

АКТУАЛЬНЫЙ
РОМАН

Шамиль
Идиатуллин

БЫВШАЯ ЛЕНИНА

РОМАН



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И29

Художник *Владимир Мачинский*

Идиатуллин, Шамиль Шаукатович.
И29 Бывшая Ленина : роман / Шамиль Идиатуллин. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шуби-
ной, 2019. — 441, [7] с. — (Актуальный роман).

ISBN 978-5-17-118335-6

Шамиль Идиатуллин — журналист и прозаик. Родился в 1971 году, окончил журфак Казанского университета, работает в ИД «Коммерсантъ». Автор романов «Татарский удар», «СССР™», «Убыр» (диалогия), «Это просто игра», «За старшего», «Город Брежнев» (премия «БОЛЬШАЯ КНИГА»).

Действие его нового романа «Бывшая Ленина» разворачивается в 2019 году — благополучном и тревожном. Провинциальный город Чупов. На окраине стремительно растет гигантская областная свалка, а главу снимают за взятки. Простой чиновник Даниил Митрофанов, его жена Лена и их дочь Саша — благополучная семья. Но в одночасье налаженный механизм ломается. Вся жизнь оказывается — бывшая, и даже квартира детства — на «бывшей Ленина». Наверное, нужно начать всё заново, но для этого — победить апатию, себя и... свалку.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118335-6

© Идиатуллин Ш.Ш., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Преуспел тот, кто
очистился.*

СУРА «ВСЕВЫШНИЙ»

Пролог

*Кто рождается чистым
от нечистого? Ни один.*

КНИГА ИОВА

Большее всего Лиля боялась за тесто: молоко оказалось задумчивым, батареи грели так себе, хоть на кастрюлю садись, чтобы поднялось поскорее. Но тесто поспело вовремя, пироги тоже, а вот сын с семьей опоздал. Сперва задержался на совещании — бог весть, какие уж там совещания в субботу, тем более в праздничную, но Даня врать не будет, — потом перезванивал и говорил, что ждут Сашеньку, но приехали все равно без Сашеньки.

Даня смотрел виновато и бормотал про отмену электричек из-за праздника. Лена смотрела еще виноватей, передавала горячие приветы и норвила, еще не сняв пальто, проиграть Лиле присланное Сашенькой видеопоздравление.

Увидев Даню, Лиля вздрогнула — не потому, что он опять пополнил и выглядел утомленным,

а потому, что он снова был не похож на того мальчика, который всегда жил в сознании Лили и ради которого она, в общем-то, существовала. Лиля замешкалась, решая, обнять сына или нет, — и, когда решилась, было уже неловко. А саму Лилю обняла Лена, ловко, не прерывая щебетания и поиска в телефоне, — вот ведь ушлая какая.

Лиля, придя в себя, старательно рассмеялась, видео отодвинула на «потом-потом» и велела скорее мыть руки и садиться. Пирог в духовке вот-вот подсыхать начнут, а нам еще салаты и рыбку попробовать надо. Рыбку надо каждый день есть, по телевизору сказали — особенно в наших условиях.

Даня немедленно забурчал про телевизор и про тех, кто его смотрит, Лена, посмеиваясь, поддерживала Лилю: да, рыба ужасно полезна, там фосфор и жирные кислоты омега-3, ой, а это же моя любимая, спасибо, Лиль Васильна, только вы так умеете. Речь Лены журчала, переливалась и могла опять накрыть Лилю теми чувствами, которые заставляют опасть, тихо проливаясь слезами, прохладными и малосольными, и которыми накрываться поздно, да и просто нельзя. Поэтому Лиля торопливо, почти как сын, буркнула, чтобы начинали, и поспешила к пирогам, а выйдя из комнаты, остановилась отдышаться, раздавить спазм, чтобы сглотнуться и не мучил. Получилось. И получилось услышать, как Даня говорит сквозь щебетание:

— Надо было все-таки, чтобы приехала.

Щебетание почти без паузы сменилось жарким шепотом:

— Даня, ну что ребенка мучить. Ей к сессии готовиться...

Пролог

— Да что ты рассказываешь. Чтобы Санька к сессии — в марте? Любовь очередная просто.

— Ну и любовь, — строго сказала Лена. — Любовь поважнее сессии будет.

— Вот привезет она тебе поважнее сессии... Готова сама-то в бабушки?..

Лена хихикнула, но тут же зашептала строже. Лиля больше не слушала — ушла на кухню, на автомате заглянула в духовку, не понимая ни зачем, ни что видит, и точно так же, не понимая уставилась в окно. За окном было сумрачно и сыро. Раньше Лиля бы сказала «свежо», но теперь это слово не подходило ни к погоде, ни к городу, ни к жизни.

Лилино отражение в стекле тоже было сумрачным, сырым и совсем не свежим.

Она сняла влагу с ресниц, мимоходом порадовавшись, что перестала пользоваться косметикой, беззвучно высморкалась в салфетку, поморгала, рассмотрела себя в стекле и пошла было в комнату, да вспомнила, что приходила проверить пироги.

Пироги были молодцами, хоть в гвардию бери, — точны, честны и не подводят. Все бы так. Балиш, мясной с картошкой, потемнел и не протекал бульоном, который Лиля залила в специальное окошко полчаса назад. Заткнувшая окошко пробка из теста тоже потемнела и прикипела к крышке пирога так, что щели не видать. Можно нести. И пирог с калиной доходил, будто опробованный Лилей лишь однажды, но впечатливший навсегда поезд «Сапсан», ровно по расписанию, через полчаса можно будет вынимать.

Лиля, вооружившись прихватками, ловко извлекла и водрузила на дощечку сковороду с бали-

шом, цыкнула на Лену, которая, конечно, прибежала помогать, и торжественно вынесла пирог на стол.

Она все-таки немножко волновалась, срезая и поднимая крышку, — пробовать-то нельзя, да и не могла Лиля больше пробовать, — но уже по столбу пара, рванувшему к люстре, было понятно, что пирог удался. Картошка проварилась, мясо под вилкой было мягким, тесто — тонким и твердым, пирог наверняка обжигал нёбо, таял во рту, падал в желудок и оттуда почти слышно звал следующий кусок. Но все равно съесть удалось только крышку и треть начинки. Порцию со своей тарелки Лиля незаметно перебросила Дане — ну как незаметно, Лена заметила, конечно. Виду не подала, на том спасибо.

— Свекровь моя говорила: пока тебе не съел, умирать нельзя, — огорченно сказала Лиля и пояснила Лене: — Тебе — это дно, самое вкусное.

— Да-да, помню. Тогда мы брать не будем, вам оставим, а вы не ешьте, — сказала Лена, привычно заливаясь негромким звонким смехом.

— Нет уж, куда мне, старой. Возьмете, Сашеньке... А, да. Она когда придет-то?

Даня с Леной переглянулись и торопливо заговорили вроде бы разное, но быстро объединенное в «К твоему дню рождения уж точно, да, вот заодно и с Восьмым марта поздравит, да». Настоящая семья — она как хороший древний флакон с притертой пробкой: внутри может карбид бурлить, но наружу не просочится ни флюидика. Тут можно быть спокойной, подумала Лиля и снова поплыла.

Пролог

Дети, не дождавшись ответа, начали обеспокоенно спрашивать, а Лиля, растерянно улыбаясь, пыталась вспомнить, когда у нее день рождения и сколько ей исполнится. Лена уже вскочила с места и трогала пульс, вкусно дыша укропом и луком — хороший пирог даже на выдохе хорош, — когда Лиля не только сообразила, что ни дата, ни возраст уже не имеют никакого значения, но и опомнилась, поняла, что насмерть всех перепугает, и принялась быстро говорить, еще не придумав, что именно скажет. Получилось нормально, про важность учебы, — и сразу удалось не забыть про подарки: вот Дане носочки на Двадцать третье, шерстяные, хорошие, и сразу Сашеньке сережки на Восьмое марта, мне свекровь дарила, не очень модные, но чистое серебро, может, понравятся.

— А я их помню, — сказал Даня, заулыбавшись, — только у Саньки уши-то пока не проколоты.

— Теперь проколет, — отрезала Лена и принялась вертеть серьги в руках, громко восхищаться, прикладывать к ушам и сетовать на Сашу-балду, пропускающую такое счастье.

Сама хотела вручить, но коли дела, пусть делает, конечно, торопливо, чтобы не соскочить со спасительной кромки, продолжала Лиля, пусть старается Сашенька, учится, место себе хорошее подбирает, дай бог, дай бог, сейчас с работой так сложно, и с остальным, ладно хоть... Тут опять пришлось резко менять тему, и снова удачно: вспомнила про пенсии и ввернула, что Сашеньку все эти ужасы с увеличением пенсионного возраста пока не трогают. А лягнула бы, как собиралась, что ладно хоть

с жильем проблем не будет, бывшая Ленина останется, которую Лиля так и не научилась считать своей, — опять начались бы преувеличенные возмущения.

— Нас зато трогают, — воспламенилась Лена. — Фиг нам теперь, а не пенсии. И слова-то, главное, какие: возраст дожития!

Действительно, подумала Лиля, опять соскальзывая в слезливую яму, но быстро поймала себя за шкирку, подняла и отправила готовить чай. Даня и Лена ничего не заметили — Лена вещала, Даня набирался сил для тѐбѐ. Хороший мальчик.

Пока заваривался чай, Лиля догрустила, успокоилась и встревожилась снова. Тревогу она вынесла вместе с чайниками.

— Дань, Лен, а на работе-то нормально? А то как начнут средний возраст чистить, пока наказания за это не действуют — в телевизоре сказали...

— Кто конкретно сказал — имена, явки? — строго спросил Даня.

Лиля привычно рассмеялась. Даня продолжил:

— Да пусть чистят, потом сами...

— В смысле — пусть?.. — испугалась Лена, а Лиля застыла, переводя взгляд с сына на сноху. — Балясников опять, что ли?

— Нормально все, — отрезал Даня, встал и начал разливать чай. Посмотрел на мать и включил режим мягкого увещевания: — Мамуль, реально все нормуль. Не парься. Оксана ценит, а Балясников у нас дурак, но не настолько. Да и не успеет — если что, первый уйду.

— Дань, — сказала Лена.

Даня сделал жест, Лена потупилась.

Пролог

— Пьем чай, — велел Даня и шумно вдохнул. — Ах какой.

— Пирог-то! — всполошилась Лиля, бросаясь на кухню. В спину ей потекли два протяжных стога.

— А вот нечего, — строго сказала Лиля, тормознув на секунду. — По куску каждый — и с собой возьмете.

По куску не осилили — Лена отщипнула, Даня куснул и обвис на спинке стула с отваленной челюстью, пялясь тем трагичней, чем громче хохотали дамы, — но с собой забрали и балиш, и с калиной, пообещав пару кусков заморозить и отвезти как-нибудь Саше.

— Да она и свежий поест, на день рождения, если пригласите засранку такую, да, Лиль Васильна? — спросила Лена улыбаясь. Она уже успела убрать со стола, помыть посуду, рассовать пироги и рыбу по контейнерам и покорно принять большинство контейнеров в пакет, который всучила Дане.

Даня кашлянул — грех не воспользоваться.

— Простыл, что ли? — сурово уточнила Лиля. — Варенье малиновое у вас есть? Вон, возьмите. Берите-берите, у меня три банки, куда мне...

На стоны, уговоры и обьятия ушло еще минуты три. Лиля вытерпела. Дверь затворилась, когда сил у Лили не осталось даже чтобы щелкнуть замком. Она вслепую опустилась на стул, который последние полгода не убирала из прихожей, глубоко вздохнула и заплакала.

Затрещал звонок, незапертая дверь тут же отошла, Лена сунулась со словами: «Ой, Лиль Васильна, я же телефон на зарядке...» — и увидела слезы.

Она рухнула на колени рядом со стулом и стала обеспокоенно выспрашивать, утешать, обнимая и поглаживая по плечам. Лиле было стыдно и неловко — и вообще, и оттого, что любые прикосновения заставляют ее корчиться от боли и омерзения, а Лена может это заметить, а объяснять ничего нельзя. Лилия торопливо вскочила и побежала за телефоном, бормоча, что, наоборот, радуюсь, что вы хорошие такие и что так хорошо у вас всё, а сама просто устала очень, и Сашеньку увидеть хотела, чтобы лично сережки вручить, ну и накопилось.

— Авитаминоз, — уверенно сказала Лена, всматриваясь в Лилию с любовью и жалостью. — Вы бы сами малиновое-то, ой нет, от него потеть будете. Давайте я вам витаминчиков куплю и принесу, прямо завтра — нет, завтра не получится, я ж в Сарасовск, тогда на той неделе, до четверга точно. Хорошо?

— Ой, да эти витаминчики — обман сплошной, по телевизору сказали...

— Кто конкретно сказал? — грозно поинтересовалась Лена с совершенно Даниными интонациями и сама засмеялась раньше Лили.

— Да уж там говорят, все время. Леночка, ты же взмокла, простынешь.

— Мы в машине, что вы, Лиль Васильна, да и ехать тут — ни согреться, ни замерзнуть не успеешь.

— И успевать не надо. Ты, Лен, не болей. И Даню с Сашенькой береги, ладно?

— Да как всегда, — серьезно ответила Лена, рассматривая Лилию. — У вас все нормально? Потому что...

Пролог

Телефон в руках Лили запел, она торопливо передала его Лене, та вскинулась:

— Ой, Даня, что-то быстро заскучал. Да-да, все хорошо, в лифте не застряла, спускаюсь уже. Знаешь, кто тебе привет передает? Ма-ама. Помаша маме ручкой. О, Лиль Васильна, машет, сказал.

Лиля заулыбалась, обняла Лену, почти ничего уже не чувствуя, и ласково вытолкнула ее за дверь.

— На той неделе, — пообещала Лена вполголоса, прикрыв микрофон пальцами, и не очень ловко зашагала вниз по лестнице.

Лиля заперла дверь и снова опустилась на стул. Плакать не хотелось, но не хотелось и идти к окну, смотреть, как дети садятся в машину и трогаются со двора на бывшую Ленина, ныне Преображенскую, по-детски маша растопыренными пальцами в сторону окошек — которые все равно закрыты ветками, густыми даже в февральской наготы. Лиля вяло подняла руку, пошевелила пальчиками как бы в ответ, уронила руку на колено и некоторое время ее разглядывала. Клеточки-складочки-пятнышки. Потом вскочила и как могла быстро подошла к окну.

Даня с Леной, конечно, уже уехали. Во дворе никого не было, как обычно в последние полгода, хотя зимой с запахом стало полегче, а дальше, наверное, будет еще легче, не зря же митинг в начале месяца прошел. Только голуби деловито бродили по газону, а их старательно не замечала крупная серая кошка. Лиля то и дело теряла ее из виду, тут же обнаруживая на пару шагов ближе к голубям.

Вечная история — одни подкрадываются, другие спасаются или не успевают, а я смотрю, поду-